

Федеральное агентство по образованию
Министерство культуры Свердловской области
ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет — УПИ»
Факультет гуманитарного образования
Межвузовский центр по преподаванию культурологии
в технических вузах РФ
Кафедра культурологии и дизайна

Культурное наследие России и перспективы мирового социокультурного развития

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
Екатеринбург, 27–29 февраля 2008 г.

Часть II

**Секции «Актуальные проблемы современного
дизайна» и «Культурное наследие в системе
высшего образования»**

Екатеринбург
2009

УДК 168.522
ББК 71
К 90

Редакционная коллегия:

О.И. Ган, к.ист.н., доцент (главный редактор)
Н.Л. Конабалога, к.филос.н., профессор
С.Н. Некрасов, д.филос.н., профессор
И.М. Клименко, к.ист.н., доцент
А.Э. Якубовский, ст. препода.

Печатается по решению Межвузовского центра по преподаванию культурологии в технических вузах РФ и Ученого совета факультета гуманитарного образования УГТУ-УПИ.

Издание подготовлено Межвузовским центром по преподаванию культурологии в технических вузах РФ и кафедрой культурологии УГТУ-УПИ.

Рецензенты:

А.В. Медведев, д.филос.н., профессор,
зав. кафедрой культурологии УрГУ
Г.С. Радич, к. ист. н., УрГУ

К 90 **Культурное наследие России и перспективы мирового социокультурного развития. Культурологические чтения 2008 (II): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 27–29 февраля 2008 г.). Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2009. — 180 с.**
ISBN 978-5-8295-0024-5

В сборник вошли доклады и тезисы участников конференции, посвященные теоретическим (культурное наследие, культурный выбор России в современных условиях) и прикладным (дизайн) проблемам культуры и культурологического образования.

Издание адресовано культурологам, философам, историкам, дизайнерам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем, кому небезразлична судьба культуры и культурологического образования.

УДК 168.522
ББК 71

© Авторы, 2009

© ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет — УПИ», 2009

Секция

Актуальные проблемы современного дизайна

Особенности процесса обучения графическому дизайну в УГТУ-УПИ. Проектирование полиграфической продукции

О. И. Аплеснина
г. Екатеринбург, УГТУ-УПИ

В Екатеринбурге сегодня в нескольких учебных заведениях готовят дизайнеров для полиграфических фирм. Дизайн графический, с развитием рыночных отношений, компьютерных технологий, цифровых типографий, стал широко и быстро развиваться. Востребованность дизайнеров-графиков огромна, центров подготовки специалистов много. Естественно, что каждый из них имеет свои особенности и специфику.

В УГТУ-УПИ, поступают в основном абитуриенты, окончившие лишь начальные художественные школы или годичные подготовительные курсы вуза, а то и вовсе без всякой подготовки, после краткосрочного репетиторства. Студентов, окончивших средние специальные училища с художественной подготовкой, единицы. Почему? В техническом вузе абитуриенты сдают лишь один специальный предмет — композиционный рисунок, и три общеобразовательных, в отличие от художественных вузов, где сдают три специальных предмета. Подготовка по общеобразовательным предметам в художественных средних учебных заведениях оканчивается за год, два, до окончания училища, и абитуриенты не рискуют конкурировать с теми, у кого подготовка по этим предметам сильнее. Вот и получается, что нам достаются далеко не самые сильные абитуриенты города, в смысле подготовки спецпредметов.

теряет свой авторитет. Потому как существует общеизвестный факт — вуз силен своими выпускниками, их квалификацией, от которой зависит профессиональная успешность.

— «Самопровозглашенные» новые учебные заведения не всегда имеют лицензию на обучение, вводят в заблуждение абитуриентов относительно их будущей жизни и не всегда гарантируют законный сертификат об образовании.

— Стихийно возникшие кафедры или даже факультеты имеют «сырой» методический материал, слабо оснащенные информационные фонды, неукломплектованные специфическим оборудованием аудитории.

— Кадровая политика не всегда выверена и квалификация преподавателей не всегда соответствует заявленной.

— Не все достойные учебные заведения ведут активную публичную информационную политику о своих успехах. Вялое участие в региональных и международных конкурсах, не постоянные обновления своих сайтов, отсутствие связи с профильными учебными заведениями в своей стране и за рубежом, слабая издательская деятельность, отсутствие рекламной и печатной продукции о себе — всё это снижает рейтинг и не помогает занять заметного места, несмотря на имеющиеся успехи.

В этом случае в выигрышном положении остаются учебные заведения с давними проверенными временем традициями, имеющими зарекомендованные авторитет и славу.

В мире, стране, регионе складывается рейтинговая шкала успешности того или иного учебного заведения. Она не стабильна. По этой шкале постоянно перемещаются вузы как на повышение, так и на понижение рейтинга. Необходимо проводить мониторинг. Проявлять активность в PR-деятельности. Расширять свое присутствие и географию распространения своих образовательных успешных школ, свое влияние на другие страны. Конкурентоспособность учебных заведений проверяется в соревновательности между собой по различным показателям — по учебной, научной, внеучебной работе, по широкой материальной базе. А также по возможности трудоустроиться по профессии, по востребованности специалистов того или вуза на рынке труда.

Качество образования — это не проходящая константа и пренебрегать ею не следует.

Петровская реформа кириллического письма

А.Э. Якубовский,
2. Екатеринбург, УГТУ-УПИ

Петровская реформа кириллического шрифта, трехсотлетие которой мы отмечаем в этом году, без сомнения, была чрезвычайно важным событием отечественной культуры. В этом сходятся все исследователи без исключения. Однако, как и для прочих преобразований Петра, время окончательных оценок здесь еще не наступило. До последнего времени введение так называемого «гражданского шрифта» оценивалось по преимуществу положительно, рассматриваясь как часть «догоняющей модернизации» всего экономического, общественного и духовного уклада российской жизни. В этом контексте оно воспринималось как нечто само собой разумеющееся, фактически как некое побочное явление развития светской системы образования, как некое «рацпредложение», способствующее ускорению выпуска полиграфической продукции. Несмотря на чрезвычайно наивный прогрессизм такого подхода, стереотип о «переодевании в немецкое платье» оказался приложим и к буквам кириллицы, сформировав предпосылки для положительной оценки реформы шрифта на основе парадигмы прогресса. Любое сомнение в рациональности предпринятых Петром мер однозначно трактовалось как «славенофильство», «архаизация» или же просто феодальная реакция.

Однако в последнее время все чаще звучат негативные оценки петровских преобразований графики кириллического шрифта, причем исходят они прежде всего от людей, имеющих отношение к шрифтовому дизайну. Суть претензий сводится к следующему: петровская реформа насильственно привела историческое развитие форм кириллического шрифта, фактически отбросив нас на 800 лет назад; антиквенная интерпретация для изначально маюскульного (унциального) шрифта, каким является кириллица, является насильственной и неорганичной. «Кириллица, как и любая новая письменность, была рождена неидеальной; шрифтовая революция Петра обострила все ее недостатки, срубив серпом под корень почти все зарождающиеся достоинства. Кириллица стала уродливой как раз в тот момент, когда из нее попытались сделать

латиницу» — пишет Александр Ширывев¹. «Она превратила кириллицу в пародию на латиницу», — солидарен с ним один из участников интернет-дискуссии². Таким образом, на реформе 1708—1710 гг. возлагается существенная доля ответственности за неудовлетворительное состояние современной кириллической типографики — аргумент, сформулированный еще полторы сотни лет назад: «Петр Великий, Петр Великий, ты один виновней всех...».

Думается, что у такого крутого поворота мнений можно выделить три основных причины. Во-первых, это рост интереса к русской культуре XVII века, безусловно, чрезвычайно интересной и самобытной, а в плане развития графики кириллического письма — чуть ли не единственному очевидному источнику вдохновения дизайнера. Видимо, каждый новый период развития отечественной культуры будет апеллировать к предпетровской эпохе: так было в начале XX века, так происходит и сейчас. Во-вторых, это своеобразный комплекс неполноценности кириллической типографики, постоянно оглядывающейся на европейское шрифтовое искусство и его оценку отечественных шрифтов. То, что западные шрифтовики не очень хорошо понимают специфику кириллицы и зачастую относятся к ней, как к искаженной латинице, неудивительно: связанной теории кириллического шрифта нет и на русском языке, более того, нет даже достаточной «критической массы» публикаций, на основе которой могла бы возникнуть такая теория. За последние 15 лет ситуация существенно улучшилась, но принципиальных изменений пока еще не произошло; очевидно, это дело будущего — надеюсь, что ближайшего. В-третьих, любая реформа из множества потенциальных векторов развития всегда отбирает один-единственный, и вопрос «а что было бы, если бы...» является главным искушением сознания ситуации постмодерна, поскольку открывает неограниченные возможности вариации исторически сложившихся стилей.

Следует обратить внимание на еще одно важное обстоятельство: и в первой («модернизационной»), и во второй («кастروفной») интерпретации шрифтовой реформы явно присутствует допущение, что она — результат волюнтаристской политики Петра I, что реформы могло бы и не быть. «Петровская реформа шрифта не была закономерной... В основе

гражданского шрифта не было единого, устоявшегося массового письма. Реформа шрифта скорее опиралась на волю монарха, которой нельзя было прекословить, чем на созревшую общественную необходимость», — прямо пишет один из наиболее компетентных и уважаемых авторов¹. В том, что касается логики развития (эволюции) собственно шрифтовых форм, с этим трудно не согласиться. Однако существует и более высокий уровень общественной необходимости, связанный с развитием языка и письма, которые обслуживаются шрифтом.

Юбилейные годы для того и придуманы, чтобы мы могли еще раз обдумать историческое наследие и увидеть в нем то, что раньше глаз не замечал. В нынешнем году каждый исследователь типографики задает себе главный вопрос: что же, собственно, продлевал Петр с русскими буквами? «Передел их в европейское платье», — услужливо подсказывают учебники. Неосторимо, создание кириллической антиквы — чрезвычайно важная часть реформы русского письма. Настолько важная, что за ней почти совсем не видно двух остальных частей: сокращения алфавита и изменения характера типографики. Даже у Шницгалаговорится о двухсоставляющих: состав букв и графика шрифта². На деле все три части реформы прошли одновременно, и, очевидно, были взаимобусловлены. Поэтому, не обращая внимания на все три части, невозможно реконструировать ни мотивы Петра, ни достигнутые результаты.

Как можно формулировать особенность допетровской, точнее — предпетровской типографики? Анализ имеющихся в интернет сканов рукописей и книг второй половины XVII — первых лет XVIII века позволяет сделать вполне определенные выводы. Во-первых, это чрезвычайно развитая система надстрочных знаков, включающая в себя не только обязательные силы, но и титлы, выносные (внестрочные) буквы и вертикальные построенные лигатуры.

Полустав отнюдь не похож на безликий «забор» из равновысотных штаблов, в чем часто упрекают кириллицу западные шрифтовики. Если это и забор, то щедро декорированный крынками, бэльем и петухами, придающими ему вполне обжитой

¹ Ефимов В. В. Кириллица. Очерк развития кириллического шрифта. — В: П. Каров. Шрифтовые технологии. Описание и инструментарий. — М., 2001, с. 370.

² См.: Шницгал А. Г. Русский гражданский шрифт. 1708—1958. М., 1959, с. 79.

и узнаваемый вид. По вертикальной «разбросанности» строка печатного полуустава скорее напоминает нам нотную запись, нежели современный наборный текст. Как результат этого, вторых, следует отметить чрезвычайно большое расстояние между базовыми линиями строк по отношению к длине строки. В рукописи это просто крупные буквы и короткая строка, в типографском наборе — частое применение двухжколонной верстки, традиция которой сохранилась до настоящего времени в богослужебных книгах, набираемых имитацией полуустава.

В третьих, это своеобразный «вертикальный кернинг», или, если хотите, использование отрицательного интерлиньяжа — выносные элементы соседних строк заходят друг за друга. Следует заметить, что перечисленные черты характерны как для рукописного полуустава, так и для печатного; типографика и каллиграфия полуустава еще не разошлись окончательно. В целом строка достаточно «расхлябана», тон полосы неровен, применение акцидентий цветом и кеглем явно «пестрит» (при этом в наборном тексте сильнее, чем в рукописном). Разумеется, это оценки глаза, привыкшего к антикке — думается, В. А. Фаворский был все-таки прав, когда говорил о принципиальной разнице этих двух типов шрифтов: антиква моделируется светотенью, тогда как устав и полуустав — цветом¹. Даже сравнивая печатный полуустав с аналогичными по типу готическими шрифтами (в последнее время среди шрифтовиков такая параллель проводится достаточно часто), мы видим, что полуустав не образует столь ровного цветового тона полосы, как текстюра или даже фрактюра. Возможно, что это ощущалось и современниками; может быть, будь у мастеров Печатного двора свое интернет-комьюнити, они точно так же сетовали бы на кризис кириллической типографики, как и мы.

Каковы были варианты выхода из создавшейся ситуации? История кириллического письма знает два способа преодоления полуустава: вязь и скоропись. Характерной чертой вязи было превращение линейной шрифтовой строки в орнаментоподобный плоскостной модуль, сочетающий в себе функции заголовка и заставки.

В рисованном виде вязь чрезвычайно декоративна, в набором она — из-за необходимости чрезвычайно плотной «улавки» литер, ведущей к искажению исходных пропорций букв, а значит, в идеале индивидуальной для каждой строки — могла

¹ Фаворский В. А. Об искусстве, о книге, о гравюре. М., 1986, с. 138.

бы быть реализована только за счет неограниченного набора лигатур, при этом построенных большей частью вертикально. По своей типографике вязь находится где-то между медленно читаемым титульным шрифтом и логотипом. Боюсь, что создать полноценный наборный шрифт на основе вязи невозможно, хотя как источник вдохновения при создании логотипов и стилизованных акцидентных шрифтов она бесценна. Кроме того, сам факт, что когда-то для кириллицы были характерны вертикально построенные лигатуры, кажется мне чрезвычайно интересным и заслуживающим внимания художников шрифта.

Скоропись — письмо, близкое по своим характеристикам к каллиграфическому курсиву. Подчеркнутая «рукописность», — возможно, связанная именно с графическим противостоянием полууставу — длинные, зачастую пронизывающие несколько соседних строк выносные элементы, фактически превращенные в росчерки, вряд ли могут быть адекватно перенесены в типографский набор.

Тем не менее скоропись, а точнее, ее более «медленный», книжный вариант — рукописное гражданское письмо — участвовала в создании реформенного шрифта, влияя на новое начертание целого ряда букв (а буква Я вместо горизонтальной лигатуры прямо перешла из «гражданского письма») ¹. Хотя сегодня многие отечественные графики шрифта сомневаются в обоснованности выделения «гражданского письма», эти сомнения, вероятно, стоит отнести не к самому факту его существования, но к степени развития как самостоятельного типа почерков, окончательно выделившихся из скорописи.

Казалось бы, типографика строки и наборной полосы в целом является в определенной степени производной от использованного шрифта. Однако позволю себе предположить, что конечной целью реформы была именно новая типографика, и она определяла как изменение начертания отдельных знаков, так и собственно переход к антикке. Противопоставляя новый книжный набор печатному полууставу, Петр последовательно добивается линейного характера строки и широкого, светлого по тону набора. Это вполне укладывается в общую эстетическую программу Петра, направленную на усиление рациональности, линейности, правильности, — иными словами, «регулярности». Точно так же и в архитектуре петровской эпохи исцезает нарышкинское барокко, уступая место голландскому

¹ Шипцгал А. Г. *Цит. соч.*, с. 81, 107–109, 114.

(точнее было бы сказать — североевропейско-протестантско-му) стило с его простой симметрией и четким гравюрным силуэтом. Макс Вебер писал о роли протестантской этики; касательно Петра впору вводить термин «протестантская эстетика» (вопрос о том, как это наложились на традиционное православные и католицизма — вопрос особый и требующий отдельной постановки).

Если бы речь шла о слепом подражании латинской антикве, логично было бы предположить, что Петр оставит в алфавите прежде всего именно те буквы, графемы которых совпадают с латинским шрифтом. Однако он оставляет «землю», несмотря на то, что была и другая буква З — «зелю», точно совпадающая с латинской S. Он убирает «омегу» (в строочном типографском полуставе она неотличима от w). Остаются без изменений И (восьмеричное), а вот с I (десятичным) Петр долго экспериментирует, пытается добиться удовлетворяющей его типографики. Первоначально все новые буквы вовсе не имели надстроочных элементов. Затем, пишет Шицгал, «в письме от 8 мая 1708 года Мусину-Пушкину Петр просит... над «иж» ставить две точки (i), так как без точек, очевидно, «иж» плохо читалось», однако получив экспериментальный набор, «остався очень недоволен представленными ударениями, так как они, по-видимому, нарушали линию строки и создавали пестроту на странице (*курсив мой* — А.Я.)»¹. Позже Петр еще раз указывает, что «две точечки» над i должны быть «маленькими» — «по-видимому, в представленном оттиске они сильно выделялись», комментирует Шицгал². Кроме того, Петр последовательно зачеркивает варианты написания Ц и Щ с «острым хвостиком», оставляя варианты с плавными подгибами под букву, менее выпирающими из строки.

Еще одним аргументом в пользу того, что новый шрифт должен был быть максимально линейным, является исключение из состава алфавита буквы «от». Известно, что для письменного русского языка характерен переход часто используемых лигатур в разряд самостоятельных букв. К моменту реформы их было как минимум четыре (у исследователей есть разночтения с буквами «ук» и «у», поэтому о судьбе пятой лигатуры пока умолчим), после осталось две. Обе они дошли до нас уже без перемены — это горизонтальные лигатуры Ы и Ю.

¹ Шицгал А.Г. *Цит. соч.*, с. 40.

² Там же, с. 42.

Еще одна горизонтальная лигатура была заменена на знак из гражданского письма (буква Я), а вот буква «от» — вертикальная лигатура — просто была исключена. Я полагаю, что дело здесь не только в том, что Петр исключил из алфавита и ее основную часть — букву О (омегу), но прежде всего из-за нелинейности построения, ассоциировавшегося с вязью.

В связи с исчезновением буквы «от» возникает еще один вопрос: почему Петр, в редакции 1708 года считавший необходимым убрать из алфавита 9 (i) букв греческого происхождения, в 1710 году восстановил 6 из них (в результате «жертвами» реформы пали только 3 — «от», «о» (омега) и «кси»)? Очевидно, практика типографского печатания показала, что первоначального набора все-таки не хватает. Не будем забывать, что кириллический алфавит в это время обслуживал употребление одновременно двух языков — церковнославянского и русского.

Языковеды отмечают, что традиционно существовавшая в русском обществе диглоссия, т.е. дополнительное по жанрам сосуществование двух языков (церковным и литературным языком был церковнославянский, юридическим и деловым — русский) в XVIII в. активно вытесняется двуязычием, т.е. употреблением обоих родственных языков в одних и тех же группах текстов¹. Когда М.В. Ломоносов создает «теорию трех штилей», он лишь теоретически осмысливает уже существовавшую в русской литературе ситуацию, нормируя употребление церковнославянизмов в разных жанрах словесности. Полностью самостоятельным как литературный язык русский становится уже после Карамзина и Пушкина, при этом не порывая окончательно с церковнославянским языком, а вбирая в себя его лексику и словообразовательные приемы. Но и сам церковнославянский язык на протяжении IX—XVIII вв., будучи живым литературным языком, активно развивается; даже перевод Библии был завершен и кодифицирован лишь в 1751 г. (Елизаветинская Библия).

Разделение шрифта на «гражданский» и «церковный» фиксировало прежде всего разделение влияния на русский язык, в частности, на «язык науки»: у традиционных («схоластических»), т.е. преподававшихся в учебных заведениях дисциплин терминология имела преимущественно греческую основу, а

¹ Толстой Н.И.. Церковнославянский и русский: их соотношение и символика. // Лекции лауреатов Демидовской премии (1993–2004). Екатеринбург, 2006, с. 80.

естественнонаучными и инженерными дисциплинами (мас-совое преподавание которых, собственно, и возникает именно при Петре) лексика заимствуется из современных европейских языков, не требующих для транслитерации специфических греческих букв. Позднее Ломоносов введет вместо части иноязычных заимствованных термины, основанные на русских корнях («раствор» вместо «салюция»), но в 1710 г. без «греческой» части кириллицы при наборе учебников и инженерных руководств было еще не обойтись. Именно этим, а вовсе не «уступками» Петра грамматической традиции объясняется восстановление «лишних» букв кириллического алфавита, затем частично упраздненных реформами Академии наук 1735, 1738 и 1758 годов, а частично — уже реформой 1918 г.

Таким образом, ясно осознаваемой Петром задачей шрифтовой реформы явилось вовсе не стремление во что бы то ни стало переодеть Россию в немецкое платье, а необходимость усиления центральной власти, языком которой стал бы не богослужебный и литературный (Церковнославянский) язык, а язык административных распоряжений и законов (русский). Этот процесс был связан с активной секуляризацией власти и общества. Как «думные дьяки» становятся «коллегскими регистраторами», так и русский язык должен был сменить шрифт, созданный когда-то для церковнославянского. *Необходимо было создание свободного шрифтового поля для развивающегося русского языка, освобождение его от церковнославянской графики.* Если уж связывать эту реформу с другими, то скорее следует признать ее частью плана по «упорядочению роли православной церкви» в Империи наряду с ликвидацией Московского патриархата и передачей церкви под контроль Св. Синода. Однако, радея об укреплении государственной вертикали, фактически Петр создал одну из необходимых предпосылок развития процесса Просвещения в России.

Как известно, человек мыслит при помощи языка, в определенных языковых формах. Видимо, до известной степени это положение можно распространить и на графическое выражение языка — на шрифт. Попробуйте представить себе афоризмы Суворова или прозу Пушкина, набранную полуставом — и вы сможете ясно представить себе роль шрифтового дизайна в нашей культуре.

Секция

Культурное наследие в системе высшего образования

Подготовка инженерных кадров и их роль в становлении индустриального производства на Урале в 80-е гг. XIX — начале XX вв.

А.В. Бармин,
г. Екатеринбург, УГТУ-УПИ

Модернизация России во второй половине XIX — начале XX вв. была непосредственно связана с ускоренной эволюцией российского общества в результате политических, экономических, социальных и культурных реформ. Одними из проявлений этих реформ стал переход уральской промышленности на индустриальный уровень и вовлечение профессионально подготовленных инженеров в этот процесс. Кадровый вопрос был тесно связан с проблемой переоснащения старого заводского производства, т.е. были нужны руководители, инженеры и техники, которые смогли бы осуществить перевооружение старых уральских заводов, построить новые и работать на них.

Первые исторические исследования, где можно найти сведения об инженерно-технической деятельности на Урале, появились еще во второй половине XIX в.¹ Они были

¹ Белов В.Д. Исторический очерк Уральских горных заводов. СПб., 1896; Белов В.Д. Кризис уральских горных заводов. СПб., 1910; Весновский В.А. Рабочий вопрос на Урале. Екатеринбург, 1897; Дмитриев А.А. Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. Пермь, 1902; Иванов П.А. Краткая история управления горной частью на Урале. Екатеринбург, 1900; Иоксимович Ч.М. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915; Котляцов А.А. Русская буржуазия. М., 1912; Манолов Г.И. Торговля и промышленность Российской Империи. М., 1895; Митинский А.Н. Горнозаводской Урал. СПб., 1909; Озеров И.Х. Горные заводы Урала. М., 1910 и др.